

М.Д. Лихутин

**Записки о походе в Венгрию в
1849 году**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М11 **М.Д. Лихутин**
Записки о походе в Венгрию в 1849 году / М.Д. Лихутин – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 280 с.

ISBN 978-5-458-05596-3

ISBN 978-5-458-05596-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЗАПИСКИ

О ПОХОДѢ ВЪ ВЕНГРІЮ

въ 1849 году *).

1.

На границѣ Галиціи.

4 пѣхотный корпусъ былъ расположенъ въ Кіевской, Волынской и Подольской губерніяхъ, когда распространились слухи о Парижской февральской революціи 1848 года и о возмущеніяхъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ. Беспорядки слѣдовали одни за другими почти во всѣхъ частяхъ Австрійской имперіи и перешли наконецъ въ Галицію. Войска 4-го пѣхотнаго корпуса были приведены въ военное положеніе, въ апрѣлѣ 1848

*) Записки эти писаны первоначально тотчасъ послѣ Венгерской войны, въ 1850 году, офицеромъ, служившимъ въ войскахъ 4-го пѣхотнаго корпуса, заключаютъ въ себѣ личныя наблюденія и впечатлѣнія очевидца, не повѣренныя и не измѣненныя по другимъ свидѣніямъ и документамъ, и относятся преимущественно къ дѣйствіямъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

года тронулись съ широкихъ квартиръ и расположились тѣснѣе вдоль Галицкой границы.

Первыя вѣсти о Парижской революціи и объ участіи самихъ Нѣмцевъ въ событіяхъ Берлина и Вѣны произвели вездѣ какой-то трепетъ и ожиданіе чего-то новаго, необыкновеннаго—разлива новыхъ идей. Но волненія Поляковъ въ Познани и Галиціи, участіе польскихъ генераловъ въ возстаніи Венгрии противъ австрійскаго правительства, т. е. поддержка ими Венгровъ противъ Славянъ, и особое оживленіе, замѣчавшееся между русскими Поляками,—мало-по-малу разъясняли смыслъ событій и показывали, что для насъ дѣло идетъ о рѣшеніи старыхъ задачъ и о предупрежденіи старыхъ польскихъ попытокъ. Одновременно съ революціями 1848 года появилась на свѣтъ, или сдѣлалась болѣе распространенною, идея о правахъ каждой отдѣльной народности на самостоятельное существованіе, какъ независимаго государства. Поляки примѣнили эту идею къ себѣ, безъ уступокъ своихъ прежнихъ правъ и границъ 1772 года.

Сдѣлалось извѣстно, что много эмиссаровъ отправлено различными польскими обществами изъ Лондона и Парижа для распространенія въ нашихъ западныхъ губерніяхъ волненія, охватившаго Европу. О появленіи ихъ имѣлись уже точныя свѣдѣнія. Между прочимъ, рассказывали, что какой-то панъ, переодѣтый въ мужика, продѣлывалъ въ корчмахъ передъ толпой крестьянъ притчу съ зернами. Онъ разложилъ на столѣ, кругами, нѣсколько зеренъ п, показывая на среднее зерно, говорилъ: „вотъ это—царь, это кругомъ—министры, кругомъ ихъ—генералы. Много ли ихъ?... А вотъ это—

вы, закончилъ онъ, засыпая царя, министровъ и генераловъ полною пригоршнею зеренъ — Гдѣ теперь министры и генералы? "... Крестьяне улыбались. Они желали бы засыпать польскихъ пановъ. Неколькоихъ эмиссаровъ поймали. Но у насъ все оставалось спокойно.

Въ Галиціи Поляки стали собираться въ скопища и обучаться строю. Явились предводители, изъ числа которыхъ упоминалось чаще другихъ имя генерала Дверницкаго. Потомъ пошли слухи о намѣреніи Поляковъ вторгнуться въ наши предѣлы и возмутить западныя губерніи. Какъ ни нелѣпо могло казаться впоследствии такое предпріятіе и какъ ни незначительно въ нашихъ западныхъ губерніяхъ польское населеніе, но у насъ слухамъ вѣрили и опасались, что вторженіе можетъ надѣлать намъ много хлопотъ при общемъ тревожномъ настроеніи и при извѣстной восторженности Поляковъ. Весь 1848 годъ прошелъ для войскъ въ небольшихъ и напрасныхъ тревогахъ. Простой православный народъ, крѣпостные польскихъ пановъ — боялись нападенія и о малѣйшемъ слухѣ сообщали войскамъ: войска охотно вѣрили имъ, потому что желали поскорѣе военныхъ дѣйствій. Вотъ одинъ болѣе знакомый мнѣ случай тревоги по слуху, надѣлавшій наибольшаго шума.

Священникъ одного пограничнаго селенія далъ знать командиру расположеннаго по близости Донскаго казачьяго полка, что получены вѣрныя свѣдѣнія чрезъ галицкихъ крестьянъ о намѣреніи Поляковъ перейти границу недалеко селенія Щастиновки, въ мѣстѣ, называемомъ Зелёная-Поляна, и оттуда идти на г. Староконстантиновъ, близь котораго, будто бы, по какимъ-то старин-

нымъ предсказаніямъ, они должны разбить Русскихъ. Говорили, что Дверницкій съ своимъ войскомъ стоитъ уже не далеко. Изъ корпуснаго штаба, стоявшаго въ гор. Дубно, послали меня для разясненія этихъ свѣдѣній. Я отправился въ м. Теофиполь къ командиру казачьяго полка. Онъ, какъ и всѣ, вѣрилъ слуху и уже приготовился встрѣтить непріятеля. Изъ Теофиполя я поѣхалъ на границу. Изъ разспросовъ мужиковъ было видно, что слухи о нападеніи и ожиданія скороаго исполненія ихъ были у насъ общи. Таможенный чиновникъ, жившій въ отдѣльномъ домѣ на самой границѣ, тоже вѣрилъ имъ. Отъ него я отправился, въ сопровожденіи объѣздчика таможенной стражи, по пограничной чертѣ къ тому селенію, въ которомъ жилъ священникъ. Была уже ночь, безлунная и безоблачная; кругомъ лежала широкая равнина: это была Зеленая-Поляна. Приѣхавъ въ селеніе, я отправился къ священнику. Въ его домѣ горѣлъ еще огонь. Я вошелъ въ кухню; три женщины мыли бѣлье. На мнѣ была шинель. Не разглядѣвъ, что я русскій военный, женщины приняли меня за Поляка, вообразили, что вторженіе уже началось, что я приѣхалъ за священникомъ, и бросились въ сосѣдную комнату; тамъ засуетились. Разбуженный и напуганный священникъ вскочилъ съ постели и бросился отворять окно, чтобы спастись въ поле. Я поторопился объяснить, кто я и за чѣмъ приѣхалъ. Священникъ ожидалъ перехода Дверницкаго черезъ границу въ эту самую ночь, и потому-то мой приѣздъ всѣхъ такъ встревожилъ. Онъ до такой степени былъ увѣренъ въ нападеніи Поляковъ, что отправилъ жену и дѣтей къ родственнику, версть за 40 отъ границы.

— Граница отсюда не болѣе 200 саженой, говорилъ онъ.—Если они перейдутъ, я первый попадусь въ ихъ руки, и меня повѣсятъ.

Послали за полѣсовщикомъ, который ежедневно видѣлся съ Галичанами сосѣднихъ деревень, за однимъ мужикомъ-контрабандистомъ, бывшимъ наканунѣ въ Галиціи въ г. Торнополь, и за другими. Контрабандистъ видѣлъ въ этомъ городѣ шайки вольницы, въ числѣ 2—3 тысячъ человекъ, но молва увеличивала число ихъ до 40 тысячъ. Они каждый день шумѣли на городской площади, бродили по кабакамъ, пьянствовали и громко хвастали, что скоро пойдутъ на Москву; но большая часть ихъ не были вовсе вооружены. Изъ всѣхъ рассказовъ собравшихся къ священнику нѣсколькихъ крестьянъ было видно, что галицкіе крестьяне усердно слѣдили за дѣйствіями своихъ пановъ и шляхты и о всемъ сообщали нашимъ крестьянамъ, а эти спѣшили о слышанномъ и видѣнномъ доводить до свѣдѣнія нашихъ войскъ разными путями. Галицкіе крестьяне были наши передовые посты; но, изъ излишняго усердія и опасеній, многое преувеличивали. Въ настоящемъ случаѣ не было никакихъ точныхъ свѣдѣній; да и нельзя было предполагать, чтобы неорганизованная и невооруженная толпа гуляющей шляхты могла что-нибудь сдѣлать. На слѣдующій день, рано утромъ, я отправился опять на Зеленую-Поляну. Это было обширное, ровное поле; засѣянное хлѣбомъ, безводное и безлѣсное; не было никакого естественнаго препятствія для перехода черезъ границу, и это вѣроятно послужило причиною, что молва избрала Зеленую-Поляну для движенія въ наши предѣлы воображаемой арміи; но здѣсь

не проходила ни одна дорога и 'правильно устроенному войску было бы трудно слѣдовать.

Возвращаясь въ Дубно, я проѣзжалъ чрезъ мѣстечко Вишневецъ, принадлежавшее прежде гн. Вишневецкому, а теперь гр. Мнишку. Въ окрестностяхъ квартировалъ уланскій полкъ. Нѣсколько эскадроновъ собрались уже въ мѣстечкѣ и стояли готовыми на случай появленія непріятели.

Въ м. Вишневицѣ, въ обширномъ палацѣ гр. Мнишка есть подлинные старинные портреты Лжедмитрія и Марины. Лжедмитрій сухощавъ, смугль, лицо простое, круглое, съ большими скулами, нѣсколько калмыцкаго очерка, что можетъ отчасти указывать на его рожденіе въ Россіи. Марина очень бѣла, блѣдна, но далеко не такая красавица, какъ пишутъ въ романахъ. Тутъ же висятъ картины, изображающія въѣздъ самозванца и Марины въ Москву, ихъ коронацію, бракъ и проч., русскихъ бояръ въ бѣлыхъ парчевыхъ одѣяніяхъ, стрѣльцовъ, народъ и кремлевскіе соборы.

Возвратившись въ корпусный штабъ, въ г. Дубно, я нашелъ тамъ новые и еще болѣе тревожные слухи, исходившіе, повидимому, изъ польскихъ источниковъ. Говорили, что нападеніе на границу уже сдѣлано, что между нашими отрядами и польскими войсками произошла жаркая схватка, что Русскіе разбиты, между уланами много убитыхъ и раненыхъ, такіе-то именно начальники и офицеры убиты, и проч. Слухи эти до такой степени казались вѣроятными, что многія части войскъ сосредоточились и нѣкоторыя даже выступили на соединеніе съ другими.

Въ первой половинѣ 1848 года австрійскія дѣла въ

Галиціи были въ самомъ дурномъ положеніи. Прѣжнія власти существовали, но были безсильны или напуганы. Войскъ было немного, да и тѣ расположены были небольшими частями въ главныхъ городахъ для охраны правительственныхъ лицъ и учреждений. Поляки дѣлали что хотѣли; надеждамъ ихъ не было границъ, и возстановленіе старой Польши казалось близкимъ.

Во второй половинѣ 1848 года сдѣлался замѣтенъ, собственно въ Галиціи, поворотъ дѣлъ въ пользу Австрійцевъ. Австрійское правительство обратилось, по прежнему, къ помощи галицкихъ Русиновъ и нашло въ нихъ поддержку. Изъ крестьянъ было сформировано ополченіе (ландштурмъ), вооруженное косами и ружьями; польскія шайки разогнаны; бунтъ въ Львовѣ (Лембергѣ) усмиренъ; польскіе предводители бѣжали въ Венгрію, гдѣ, по близости Галицкой границы, на южной сторонѣ Карпатовъ, продолжали формировать свое ополченіе изъ Поляковъ, сходящихся со всѣхъ сторонъ старой Польши. Надо полагать, что во второй половинѣ 1848 года и у нашего правительства установился болѣе спокойный взглядъ на происшествія въ Галиціи, и оно ожидало отъ нихъ вовсе не тѣхъ послѣдствій, какихъ ожидало вначалѣ, потому что въ войскахъ было получено распоряженіе, чтобъ изъ Галиціи черезъ границу пропускать въ наши предѣлы спасающихся Поляковъ только въ случаѣ рѣзни, т. е. ожидали не возмущенія для возстановленія Польши, а повторенія рѣзни 1846 года.

У насъ, въ Россіи, по крайней мѣрѣ въ мѣстахъ пограничныхъ Галиціи, не было никакихъ безпорядковъ.

Войска, за исключеніемъ небольшихъ ложныхъ тревогъ, стояли спокойно на своихъ квартирахъ.

Наши офицеры ѣздили иногда на границу, гдѣ устраивались свиданія съ австрійскими офицерами. Бывали также охоты съ облавами, для которыхъ Волынская губернія представляетъ большія удобства, парадные обѣды, вечера и даже балы. Офицеры ухаживали за Польшками, чему обыкновенно патриотизмъ не мѣшаетъ. Польскіе помѣщики не выказывали намъ открытой непріязни; нѣкоторые даже знакомились съ нами, но вели себя вообще сдержанно и холодно. Отъ нѣкоторыхъ пановъ можно было услышать мнѣніе, что ихъ пугали идеи социалистовъ и коммунистовъ, — мнѣніе служившее иногда тщеславнымъ намекомъ, что безъ этого они не остались бы спокойны, а чаще — общимъ пугаломъ, прикрывавшимъ дѣйствительныя опасенія возможности и у насъ того же, что случилось двумя годами прежде въ Галиціи, гдѣ уже разъяснилось, что вопросъ идетъ не о какихъ-нибудь общихъ непонятныхъ у насъ идеяхъ, а просто о польскомъ владѣніи и господствѣ. Идеи о правахъ національностей оказались у насъ неудобопримѣнимыми для самихъ Поляковъ; неискусный чародѣй самъ испугался вызваннаго имъ духа; русскія имѣнія были цѣннѣе и вѣрнѣе сомнительной самостоятельности польскаго государства. Вѣроятно также, что на полное спокойствіе у насъ имѣла вліяніе извѣстная строгость русскаго правительства; въ случаѣ бунта Варшавы, по примѣру Парижа, Берлина и Вѣны, можно было ожидать, что городъ этотъ, не шутя, былъ бы обращенъ въ груды развалинъ. Для старой Польши оставалась только внѣш-

няя помощь, надежда на которую уже загоралась въ заревѣ пожара, охватившаго Венгрію.

Генераль Бемъ, руководившій въ Трансильваніи мятежомъ Секлеровъ, или какъ ихъ называютъ также Венгро-Секлеровъ, потомковъ (по мнѣнію нѣкоторыхъ) Печенѣговъ, племени родственнаго Мадыарамъ, или собственно Венграмъ, — успѣлъ поставить, командовавшаго тамъ австрійскими войсками, генерала Пухнера въ такое отчаянное положеніе, что Пухнеръ долженъ былъ заключить съ нимъ перемиріе. Пользуясь этимъ, Бемъ въ декабрѣ 1848 года появился на другомъ концѣ Трансильваніи, перешелъ въ Буковину, оттѣснилъ бывшіе здѣсь австрійскіе отряды, занялъ г. Быстрицу и угрожалъ Галиціи. 30 декабря главнокомандующій австрійскими войсками въ Галиціи, генераль Гаммерштейнъ, увѣдомилъ командира нашего 4-го пѣхотнаго корпуса, генераль-отъ-инфантеріи Чеодаева, что австрійскія войска въ Трансильваніи разбиты Бемомъ, который съ значительными силами идетъ уже на г. Черновиць, что онъ, Гаммерштейнъ, отправилъ противъ него форсированнымъ маршемъ, всѣ войска, которыя могъ имѣть свободными въ своемъ распоряженіи, и спрашивалъ, можетъ ли онъ надѣяться, въ случаѣ надобности, на дружественную помощь войскъ 4-го пѣхотнаго корпуса.

Въ 4-мъ корпусѣ были тотчасъ сдѣланы предварительныя распоряженія — быть готовыми къ выступленію, а вопросъ генерала Гаммерштейна отправленъ къ главнокомандующему дѣйствующею арміею, фельдмаршалу князю Паскевичу въ Варшаву. Вскорѣ изъ главнаго штаба нашей арміи получено распоряженіе о сформированіи, на случай дѣйствій, близъ г. Каменца Подольскаго особаго

отряда, котораго назначеніе состояло—защищать пространство нашей границы противъ этого города, такъ какъ Буковина прилежитъ къ Подольской губерніи. Другой отрядъ предполагалось сосредоточить около Дубно, въ числѣ 20 тыс., для дѣйствій въ Галиціи по направле-нію отъ м. Радзивилова. Отряды эти могли переходить границу противъ мятежниковъ, въ случаѣ еслибъ они приблизились къ нашимъ предѣламъ на два перехода.

Двинутыя генераломъ Гаммерштейномъ противъ Бема войска оттѣснили его передовые отряды. Въ то же время австрійскія войска, подъ командою генерала Варадинера, вступили въ Трансильванію со стороны Венгріи. Эти нѣсколько успѣшныя, повидимому, дѣйствія Австрійцевъ были причиною ложныхъ извѣстій, переданныхъ намъ австрійскими властями, что Бемъ разбитъ фельдмаршалъ-лейтенантомъ Варадинеромъ при с. Радауцѣ и бѣжалъ куда-то, а его скопища перешли въ Молдавію, и что онъ можетъ-быть скрывается въ Галиціи; даже сдѣланы были распоряженія ловить его, а укрывателей грозили предавать военному суду и строжайше наказывать. Формированіе нашихъ вышеупомянутыхъ отрядовъ было отмѣнено.

Оказалось однако же, что Бемъ не разбитъ и не бѣжалъ, а дѣйствовалъ искусно, пользуясь ошибками Австрійцевъ. Оставивъ незначительныя силы въ Буковинѣ противъ Галиціи, онъ въ январѣ 1849 года перешелъ опять на югъ Трансильваніи, разбилъ австрійскія войска у Штольцберга и занялъ г. Кронштадтъ. Мятежъ въ Трансильваніи разгорался; жители вооружались поголовно. Во второй половинѣ января генералъ Пухнеръ и города Германштадтъ и Кронштадтъ,